

УДК 124.5:82.161.1+9291 твардовский

АКСИОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

В. А. Редькин

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и документоведения

Художественный мир А. Т. Твардовского рассматривается в аксиологическом, онтологическом и социокультурном аспектах; показывается укоренённость его поэзии в традициях русской классической литературы; доминантой художественного мира А. Т. Твардовского признаётся национальное начало, утверждается связь с православной аксиологией.

Ключевые слова: *русская поэзия XX века, традиция, национальный характер, аксиология, православие*

Национальный характер – это система черт, присущих данному народу. Системообразующей доминантой русского национального характера являются духовные ценности православия. По словам И. А. Ильина, «русская идея есть идея сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь... Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства» [3, с. 31]. Только в лоне православия черты национального характера, свойственные русскому народу, – способность на глубокую любовь и сострадание, сердечность, склонность к созерцанию, прямодушие, открытость и простота, добролюбие, жизнелюбие, и трудолюбие, исключительная талантливость, стремление к свободе и социальной справедливости, гостеприимство и духовная щедрость, мечта о братстве и всеобщем счастье, терпеливость, пассионарность, твёрдость и мужество – приобретают положительное, подлинно созидательное значение. Национально ориентированный художник утверждает идеалы правды, красоты, совести, справедливости. При отходе от веры все эти характеристики превращаются в свою противоположность. Появляются злобность и мстительность, склонность к насилию или слабость, безволие, лень, тупость, косность, холопство или гордыня, равнодушие к своей судьбе или эгоцентризм, пассивность или агрессивность, доверчивость или подозрительность, отсутствие практичности или карьеризм, приверженность утопической идее полного равенства или безудержное стремление к обогащению. Полное отпадение ряда писателей советского времени и современности от ценностей, выработанных традиционной верой, в конечном счёте, приводило к служению сатанинским силам, когда утверждается ложь, внедряются утопические идеи или выражается полный отказ от идеала, разрушается иерархичность мира, мифологизируются понятия «народ», «человек и человечество», «природа и космос». Попытка воспитать нового человека без Бога в душе, но исповедую-

щего кодекс коммунизма, созданный на основе христианской аксиологии без его основного звена, оказалась несостоятельной.

Тем не менее, русская литература советского времени в лице лучших своих представителей достигла подлинно художественных вершин. В произведениях многих художников слова национальный русский характер представлен во всей его глубине, полноте и сложности, хотя писатели, несомненно, испытывали мощное давление со стороны официальной марксистской идеологии. Естественно возникает вопрос, насколько система ценностей, утверждаемая этими писателями, соответствует христианской аксиологии? Особенно сложно ответить на него в отношении писателей, которые были воспитаны в советское время и, поддерживая официальную доктрину, практически декларировали свой атеизм. В частности, это относится к творчеству А. Т. Твардовского. Нравственные ценности автора фактически совпадают у Твардовского с жизненными установками героя и в целом русского народа-читателя и ориентированы на традиционную православную аксиологию.

Истоки системы нравственных и эстетических ценностей свободы, справедливости и братской любви, гармонии и красоты заложены в семейных традициях Твардовского, в корнях, уходящих глубоко в национальную православную почву. Главная мысль стихотворения «Мне памятно, как умирал мой дед...» [5, т. 3, с. 138] – единение человека с миром и людьми как во времени (настоящего с прошлым), так и в пространстве: «...неизбежный час, // Как мне расстаться – малой части – с целым, // Как этот мир мне потерять из глаз, – // Не может быть моим лишь частным делом» [5, т. 3, с. 138]. Ощущение себя частью народа – это и есть традиционное для православия чувство соборности, когда сочетаются свобода и единство многих лиц на основе совместной любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Так, в поэме «Василий Тёркин» воплощена не идея коллективизма (в поэме не вспоминаются колхозы), а исторически свойственная русскому народу соборность, ярко проявляющаяся в годину испытаний: «Где ни свет, то наша хата, // Где ни дым, то наш костёр, // Где ни стук, то наш топор. // Что ни груз, идёт куда-то – // Наш маршрут и наш мотор!» [5, т. 2, с. 330].

Предки А. Т. Твардовского, несомненно, были людьми воцерковлёнными. Отец поэта, Трифон Гордеевич, в детстве пел в церковном хоре, имел хороший голос и любил исполнять не только народные песни, но и отрывки церковной службы. Он не был святошей, мог иногда пропустить церковную службу, но был человеком верующим. Много времени отец вместе с детьми проводил в поле, в лесу, у реки, прививая им любовь и понимание природы как Божьего мира. В долгие зимние вечера в семье были приняты коллективные чтения произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Никитина, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, С. А. Есенина. Всё это духовно сближало семью, воспитывало чувство привязанности друг к другу.

В поэме «По праву памяти» в облике своего отца поэт рисует удивительно благородный и выразительный, яркий и впечатляющий, цельный и полный внутреннего достоинства образ русского крестьянина, который, хоть и имеет трагическую судьбу, но не сломлен бедой, не унижается в любых обстоятельствах [6, с. 744–751]. Мечта выбиться из нужды, стать зажиточным

была естественной и непредвзятой. Крепкий хозяин (не вор, не ростовщик, не шинкар) был уважаем в деревне. И если имел крестьянин слабость – мужицкое тщеславие, то оно и состояло в том, что ему страшно хотелось, чтобы все считали его умным, удачливым, а значит, крепким, самостоятельным хозяином. Это подлинно русский национальный характер, наделённый традиционной системой ценностей православного народа, когда гордость и независимость не перерастала в гордыню, трудолюбие и стремление к зажиточности не превращалась в скардность, и в любых обстоятельствах сохранялись совесть, Бог в душе.

Образ матери в стихах А. Т. Твардовского более лиричен, чем образ отца, и мало связан с социально-классовыми проблемами. Он ассоциирован с образом природы, Родины, философскими проблемами бытия, жизни и смерти, поисками духовных ценностей и смысла существования. В цикле «Памяти матери» поэт воспевает бескорыстную любовь матери, её добрые руки, трудолюбие. В ссылке она не просто тоскует по родным местам, но горюет о милом для верующего человека родовом кладбище: «И ей, бывало, виделось во сне // Не столько дом и двор со всеми справками, // А взгорок тот в родимой стороне // С крестами под берёзами кудрявыми» [4, с. 46].

В системе ценностей А. Т. Твардовского на первом месте Дом в широком понимании этого слова. Это и любовь, и семья, и природа, и малая родина, и держава. Это гармония, лад человека и мира. «И палисадник под окном, // И сад, и лук на грядках – // Всё это вместе было дом, // Жильё, уют, порядок», – писал поэт в поэме «Дом у дороги» [5, т. 3, с. 13]. Это мир, открытый навстречу человеку, мир любви и добра, благожелательности, традиционной народной нравственности, когда «воды напиток подадут... всякому с любовью» [5, т. 3, с. 13]. В начале 1931 г. В. Смолин обрушился на стихотворение А. Т. Твардовского «Четыре тонны» за то, что в нём «классовая сущность кулака затушёвывается человеческими качествами», что стихотворение «проникнуто классово чуждыми настроениями, содержит в себе неверную политическую оценку происходящих событий» [1, с. 57]. В 1934 г. цензурой была запрещена поэма Твардовского «Мужичок горбатый» и вырезана из уже набранного и готового к распространению журнала. То же произошло с поэмой «Моргуниха». Мысль, которую высказывает поэт в этих произведениях, о том, что бедняк может быть просто лодырем, для политиков того времени была неприемлемой. Поэт уже тогда показывал врождённое трудолюбие русского крестьянина, унаследованную от прадедов совесть, доброту, чуткость, отзывчивость, генетически запрограммированную честность, патриотизм и гуманизм как ведущие ценности русского национального характера. В его творчестве воплощается поэзия труда, сердечная привязанность к земле. Народ уважает чужую собственность, нажитую личным трудом, умом, смекалкой, практичностью. Эта мысль лежит в основе его стихов 1930-х гг., которые подвергались жёсткой критике, в основе его поэм «Страна Муравия», а позже – «По праву памяти». В «Стране Муравии» по существу показано, что в новом мире есть не только близкое сердцу автора, но и чуждое ему. При всей эмоциональной насыщенности сцен, рисующих обиды односельчанам со стороны кулаков Грачёвых, логика защитника нового строя Андрея Ильича Фролова такова: сильный грабит

богатого. Может ли принять такой нравственный закон Моргунок, крестьянин, живущий своим трудом, а вслед за ним и автор? Вряд ли. Кстати, Андрей Фролов не только «делил луга» и «землю нарезал», но и «взимал налог с крестьян» [5, т. 1, с. 339]. Это он тоже считает своей заслугой. Налог был такой грабительский, что приходилось рисковать жизнью.

У Твардовского остаётся традиционно православная концепция времени и пространства, когда, кроме исторического, природного и биографического времени, он не забывает о вечности. «И не всё ль равно, // Какою метой вечность сверху мечена», – подчёркивает он в стихотворении «В краю, куда их вывезли гуртом...» [4, с. 47]. Перефразируя строки народной песни, любимой матерью, поэт говорит о собственном переходе в иной мир, в вечность, где и находится истинный дом человеческой души: «Перевозчик-водогребщик, // Старичок седой, // Перевези меня на ту сторону, // Сторону – домой...» [4, с. 50]. Стихотворение «Братья» утверждает духовно нравственные ценности семьи, кровных уз, основанных на любви и привязанности друг к другу, к родителям, малой родине, природе [5, т. 1, с. 69].

В стихах 1930-х гг. А. Т. Твардовский стремился показать новое, светлое в крестьянской жизни, основанное на вековых традициях народной жизни. Так, в «Рассказе Матрёны» [5, т. 1, с. 136] раскрывается нравственная красота женщины-крестьянки, а в цикле стихов «Про Данилу» [5, т. 1, с. 169] рисуется внутренняя красота и доброта деда Данилы. Широко используя формы поэтического сказа, поэт создавал лирические портреты: печника Ивушки [5, т. 1, с. 195], лётчицы Полины [5, т. 1, с. 206], девушки-трактористки [5, т. 1, с. 209], скотницы Настасьи [5, т. 1, с. 214] и т.д. Он стремился показать, как личная жизнь, любовь, счастье сопрягаются с общественно значимым трудом («Мельник» [5, т. 1, с. 193], «Мать и дочь» [5, т. 1, с. 203], «Семья кузнеца» [5, т. 1, с. 200]).

В годы войны Твардовский создал ряд сюжетных стихотворений и баллад, где показан русский национальный характер в жестоких испытаниях: «Рассказ танкиста» [5, т. 2, с. 66], «Баллада о товарище» [5, т. 2, с. 95], «Сержант Василий Мысенков» [5, т. 2, с. 53], «Армейский сапожник» [5, т. 2, с. 116], «Баллада об отречении» [5, т. 2, с. 105], «Большое лето» [5, т. 2, с. 142] и др. Система нравственных ценностей остаётся прежней. Война показана как нелёгкий повседневный труд: «И солью пота на спине // Проступит подвиг твой» [5, т. 2, с. 55]. Блиндаж ассоциируется с родным домом, а походная кухня напоминает домашний обед: «Там, как вползёшь, – родная хата, // Махорки дым и запах щей», «И пахнет от кухни походной, // Как в мирное время, обед» [5, т. 2, с. 117]. Вот солдат освободил от врага родное село, «И спокойно, деловито // Встал хозяин, вытер пот...» («Дом бойца» [5, т. 2, с. 95]). «Орудует в поте лица» армейский сапожник [5, т. 2, с. 116]. Автор поэтизирует великую силу товарищества и взаимопомощи («Баллада о товарище» [5, т. 2, с. 95]).

Творчество А. Т. Твардовского 1940-х гг. – яркий пример патриотической лирики. В духе христианской аксиологии поэт показывает, что духовные ценности выше материальных, родовые интересы выше личных, эгоистических. «...Лучше, чем смерть за родную землю, и выбрать нельзя», – утверждает поэт в стихотворении «Пускай до последнего часа расплаты...» [5, т. 2,

с. 50]. Русский человек проявляет чудеса героизма и мужества, стойкости и самоотдачи ради высокой цели. В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы с особой силой и значимостью зазвучала тема народных страданий. Высочайшего художественного уровня поэт достиг в стихотворениях, посвящённых трагической памяти войны: «22 июня 1941 года» [5, т. 3, с. 122], «9 мая» [5, т. 3, с. 119], «Жестокая память» [5, т. 3, с. 130], «Та кровь, что пролита недаром...» [5, т. 3, с. 182], «В тот день, когда окончилась война...» [5, т. 3, с. 93]. Духовное возрождение через страдание – это ещё одна традиция православного видения мира.

Подлинным поэтическим шедевром стало стихотворение «Я убит подо Ржевом» (1946). По сути, это маленькая лирическая поэма, написанная от имени погибшего солдата, поэтическое завещание тем, кто остался в живых. Это завет всем последующим поколениям сохранять лучшие черты русского национального характера, систему нравственных ценностей, которой были верны защитники Родины в 1942 г.:

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Горевать – горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать – не хвастливо
В час победы самой [5, т. 3, с. 85].

Будущее должно быть, по мнению мёртвых, «с нашей верой согласно» [5, т. 3, с. 82]. Погибший солдат имеет право от имени всех прежних поколений бойцов, сложивших голову за счастье и процветание Родины, на страшное проклятие отступников и предателей, не выполнивших заветы отцов: «Вы должны были, братья, // Устоять, как стена, // Ибо мёртвых проклятье – // Это кара страшна» [5, т. 3, с. 83]. Поэт переводит конкретно-историческое время в вечность. Стихотворение обращено и к поколениям XXI в.

В поэме «Тёркин на том свете» А. Т. Твардовский как бы проецирует образы и ситуации условного фантастического мира на реальную действительность в её возможных вариантах и добивается, благодаря этому, смысловой многозначности поэмы. Один и тот же эпизод несёт в себе абстрактно-общечеловеческое значение и конкретно-социальное, этическое и нравственное, гражданственно-политическое и лично-бытовое. Знаменательно предложение мертвеца, состоящего на хорошем счёту в загробном мире, живому человеку, который «беспокоит мёртвых»: «Нет – чтоб вечности служить // С нами в тесной смычке» [6, с. 722]. В иносказании поэт передаёт свой личный опыт борьбы за близкий душе нравственный и социальный мир. Здесь звучит глубочайший лиризм, личная драма поэта. Много сделано было А. Т. Твардовским – поэтом, редактором, человеком для оздоровления общества, но, видимо, иногда наступали горькие минуты разочарования: «Даром всё – легко ль смириться – // Годы мук, надежд, труда... // Был бы бог, так помолиться. // А как нету – что тогда?» [6, с. 733].

Вершиной русской реалистической лирики 1950–1960-х гг. стал сборник А. Т. Твардовского «Из лирики этих лет» (1967) [4]. Он считает, что долг поэта выражать родовое, народное начало. В этом он видит суть своего поэтического творчества. «Просто – мне дорого всё, что и людям, // Всё, что мне дорого, то и пою», – утверждает он в стихотворении «Жить бы мне век соловьем-одиночкой» [4, с. 13]. Поэт – звено в великой русской национальной культуре: «Ты по дороге не первый // И не последний идёшь» («Горные тропы» [4, с. 15]). В стихотворении «Слово о словах» А. Т. Твардовский возвращается к библейскому пониманию слова как духовной основы жизни [4, с. 21]. Вехи истории – это и провидческое слово, и конкретное дело. В стихотворении «Дорога дорог» возникает образ, объединяющий эти понятия. Дорога народа разворачивается в пространстве и во времени: «Как вехами, вся обозначена краями – // Стальными гигантскими века глаголями» [4, с. 7]. Высшим критерием подлинности искусства является для Твардовского искренность, воплощение в слове общенародной правды: «Пускай оно будет не самое громкое, // Но только бы правдой бестрепетной ёмкое» [4, с. 10]. В заключительном стихотворении сборника он утверждает таинственную, внеземную, по-пушкински божественную природу искусства: «А только б некий луч словесный // Узреть, не зримый никому, // Извлечь его из тьмы безвестной // И удивиться самому» [4, с. 93].

В последнем поэтическом сборнике А. Т. Твардовский поэтизирует неукротимые жизненные силы природы («Как после мартовских метелей...» [4, с. 62], «Как глубоко ни вбиты сваи...» [4, с. 56]). Поэт утверждает мысль о преемственности поколений («Посаженные дедом деревца...» [4, с. 38], «Космонавт» [4, с. 18]). Образ берёзы у кремлевской стены соединяет в едином национально ориентированном символическом образе мир природы и социум, время природы и историческое время («Берёза» [4, с. 35]). У поэта появляются горькие раздумья об опустевших деревнях, о забытых дедовских могилах («На новостройках в эти годы...» [4, с. 30]), о бездарном руководстве сельским хозяйством («А ты самих послушай хлеборобов...» [4, с. 32]). От конкретных социальных категорий поэт обращается к вечным проблемам добра и зла.

В поэме «По праву памяти» чуждый поэту мир рисуется уже не в условно-сказочной форме, а реалистическими красками. Эта поэма по своему содержанию не столько социально-историческая, сколько нравственно-философская. Твардовский развенчивает кодекс безнравственности, десятилетиями навязывавшийся нашей стране: «Отца и мать отринь» [6, с. 745], «Забудь, откуда вышел родом» [6, с. 744], «Предай в пути родного брата // И друга лучшего тайком» [6, с. 742], «И душу чувствами людскими // Не отягчай, себя щадя» [6, с. 744], «Ясна задача, дело свято // С тем – к высшей цели – прямым» [6, с. 744], «Оклевети народ...» [6, с. 745]. Страшны последствия тотальной безнравственности: утрачены идеалы, сломаны судьбы, безвинно загублены молодые жизни.

Поэт показывает убогость вульгарно-социологического деления людей на два враждебных класса, разрывающего семейное единство, противопоставляющего детей отцам, когда не остаётся места родной матери, а значит, и Родине. А. Т. Твардовский задаёт глобальный вопрос: оправданы ли исторически

революция и её неисчислимые жертвы? «Иль всё, чем в мире мы сильны, // Со всей взращённой нами новью, // И потом политой и кровью, // Уже не стоит той цены? // И дело наше только грёза, // И слава – шум пустой молвы?» [6, с. 762]. Знаменательна сама постановка этой проблемы. Поэт ещё в поэме «За далью – даль» прямо указывает, что наш социальный «опыт вышел боком» [5, т. 3, с. 342].

«Не прожить наверняка – // Без чего? Без правды сущей. // Правды, прямо в душу бьющей...» – писал поэт в «Василии Тёркине» [5, т. 2, с. 200]. «Вступает правды власть святая // В свои могучие права», – заявлял он в поэме «За далью – даль» [5, т. 3, с. 349]. Тема правды находит завершение в поэме «По праву памяти». Она написана, «чтоб мерить всё надёжной меркой, // Чтоб с правдой сущей быть не врозь» [6, с. 761]. «Сущий», по Далю, это «истый, истинный, подлинный, настоящий», «всякое духовное бытие, как личность», сущность «иногда противопоставляется вещественному: земная вещественность, духовная сущность» [2, с. 368].

Правдивое слово погибших в поэме «По праву памяти» становится залогом истинности стихов поэта. Так, впервые голос автора сливается с самым неподкупным и неконъюнктурным голосом, совестью народа. И если прежде поэт признавался: «Я не то ещё сказал бы, // Про себя поберегу» [5, т. 2, с. 370], – если прежде обо всем всего сказать было нельзя, то для павших всё можно. Раньше голос автора сливался с мнением живого героя, теперь А. Т. Твардовский перешагнул некую грань. Он свидетельствует перед лицом смерти, в том числе и собственной. Поэма «сомкнула возраста уроки» [6, с. 761], начала жизни и её конца.

Поэзия А. Т. Твардовского 1960-х гг. приобретает философский характер. Поэт пишет о текучести и краткости земных сроков. Развивая тему жизни и смерти, он высказывает мысль о ценности и невыразимой красоте реального мира («Все сроки кратки в этом мире...» [4, с. 42], «Как, не спеша, садовники орудуют...» [4, с. 47]). Поэт заставляет читателя задуматься о горизонтах эпохи («День прошёл, и в неполном покое...» [4, с. 66]). Подчас поэт проникается ощущением инобытия. Он как бы смотрит на дела земные из иного мира, соотнося события личной жизни и истории с вечностью. Характерно стихотворение «В живых-то меня уже нету...» [4, с. 77], написанное от имени старушки, уже переступившей грань жизни и смерти. Подводя итоги своей жизни, мысленно возвращаясь в далёкое прошлое, поэт стремится смягчить и примирить свой юношеский максимализм с духовными традициями народа, сожалеть о невосполнимых утратах:

Погубленных берёзок вялый лист,
Ещё сырой, ещё живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И Духов день. Собрание в ячейке.
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист... [4, с. 89].

В творчестве Твардовского нет места мистике, но, в отличие от ряда других советских поэтов, нет места и богохульству.

А. Т. Твардовскому свойственен критический взгляд на себя и своё поколение. В поэме «За далью – даль» он явно ироничен по отношению к «мы» (куда он включает и себя), создавшим и обожествившим идола («Мир изведавше спроста, // Что и о нём самом поэмы // Нам лично он вложил в уста» [5, т. 3, с. 342]). Порой ирония переходит в сарказм: «И рта открыть ему не дав, // Уже, вставая, восклицали: // – Ура! Он снова будет прав...» [5, т. 3, с. 342]. Поэт в своём творчестве самокритично признает, что подчас не был свободен от желания успеха и славы, и развивает характерную для него тему вины в обобщенном всеохватном плане («Есть имена и есть такие даты...» [4, с. 79], «Я знаю, никакой моей вины...» [4, с. 88]). Он первым в советской поэзии поднял и развил нравственно-философскую тему покаяния: «Ну кто из нас годится в судьи // Решать, кто прав, кто виноват? // О людях речь идёт, а люди // Богов не сами ли творят?» [5, т. 3, с. 341]. Твардовского не покидало чувство вины не только перед павшими в годы войны, но и перед невинно репрессированными.

Мастер, всю жизнь находившийся в состоянии борьбы, активной социальной деятельности, в последних стихах ощущает особую прелесть покоя, отрешения от всего суетного и преходящего. У него возникает чувство благодарности за красоту этого мира, «за тихое, лёгкое счастье» [4, с. 85]. «Не знаю, чему иль кому спасибо», – признаётся поэт в стихотворении «Спасибо за утро такое...» [4, с. 84]. Оставаясь поэтом, сформированным советской эпохой, А. Т. Твардовский так и не решился прямо выразить благодарность Творцу, назвать мир природы Божьим миром, что позже сделали другие поэты и писатели, но подспудно, в глубине строки у А. Т. Твардовского последних лет ощущается духовная природа мира.

Список литературы

1. Смолин, В. О литературном отделе «Западной области» [Текст] / В. Смолин // Наступление. – 1931. – № 2. – С. 56–59.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 4. – 683 с.
3. Ильин, И. А. Для русских. Избранное [Текст] / И. А. Ильин. – Смоленск : Посох, 1995. – 416 с.
4. Твардовский, А. Т. Из лирики этих лет. Стихи [Текст] / А. Т. Твардовский. – М. : Советский писатель, 1976. – 95 с.
5. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений [Текст] : в 4 т. / А. Т. Твардовский. – М. : ГИХЛ, 1959–1960. – Т. 1 : – Из ранних стихотворений. Сельская хроника. Страна Муравия. – 1959. – 366 с. – Т. 2 : Фронтовая хроника. Василий Тёркин. – 1959. – 375 с. – Т. 3 : Дом у дороги. Стихотворения. За далью – даль. – 1960. – 259 с.
6. Твардовский, А. Т. Поэмы [Текст] / А. Т. Твардовский. – М. : Советский писатель, 1988. – 772 с.

AXIOLOGY IN THE A. T. TVARDOVSKIY'S ART WORLD

V. A. Redkin

Tver State University

Department of the philological foundations of publishing and documentation

A. T. Tvardovskiy's art world's considered axiological, ontological and socio-cultural aspects; the author shows how the poetry of A. T. Tvardovskiy rooted in the traditions of classical Russian literature. The dominant A. T. Tvardovskiy's art world's recognized the national origin and alleged relationship with the Orthodox axiology.

Keywords: *Russian poetry of the XX century, the tradition, national character, axiology, Orthodoxy*

Об авторах:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета, e-mail: foidid-red@rambler.ru, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33.